

DOI 10.32726/2411-3417-2025-1-129-143

УДК 94

Антон Крутиков

## Временное правительство России и литовский вопрос в 1917 г.

**Аннотация.** Малоизвестные архивные документы ГАРФ позволяют пролить свет на недостаточно исследованные этапы политики Российской империи в литовском вопросе и развития национального литовского движения. После Февраля 1917 г. часть литовского движения, лояльная Временному правительству, именно с ним связывала благоприятное решение вопроса о будущем Литвы, в том числе о границах литовской автономии, в частности в Сувалкской губернии, входившей в состав Царства Польского. Учитывая сложный этнический состав населения литовских губерний, Временное правительство не пошло навстречу всем требованиям литовских организаций Петрограда в области административно-территориального переустройства. Границы литовской автономии было предложено установить исходя из этно-территориальных реалий, а не амбиций литовских политиков. Раскол литовского движения на Петроградском сейме, радикализация его национально-консервативной фракции, ход Русской революции, Октябрь 1917 г. и оккупационная политика Германии не дали реализоваться планам по созданию литовского государства в его этнических границах при сохранении тесной связи с постфевральской Россией.

**Ключевые слова:** Россия, Литва, Польша, Германия, Временное правительство, Февральская революция, Первая мировая война, национальный вопрос, национальная политика, литовская государственность.

Накануне Первой мировой войны литовское национальное движение в Российской империи находилось в процессе становления и трансформации в самостоятельный политический фактор. Литовская интеллигенция, возникшая в конце XIX в. не без помощи культурной политики российского правительства, выдвигала в целом умеренные требования, сводившиеся к предоставлению Литве национально-культурной автономии. Компактное проживание литовцев в Ковенской, западной части Виленской и на севере Сувалкской губерний и более высокий, чем в среднем по империи, уровень грамотности облегчали развитие национального самосознания, распространение литературы на литовском языке, просветительскую работу школы и католической церкви. Программы различных политических течений на территории исторической Литвы — клерикального, либерального, националистического и социалистического — объединял интерес к национальным ценностям, причем первыми тремя они рассматривались как приоритетные.

**Сведения об авторе:** КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, член Международного общества по изучению Первой мировой войны, [bialyorz1000@gmail.com](mailto:bialyorz1000@gmail.com).

Отсутствие литовского этнического большинства в крупных городских центрах Виленской и Ковенской губерний побуждало лидеров литовского движения добиваться расширения будущих границ Литвы. Это же обстоятельство создавало почву для потенциальных конфликтов, так как на Вильно и Виленский край предъявляли претензии польский и белорусский национальные проекты [Ашарчук. С. 54].

Важными элементами национальной программы литовских политиков и общественных организаций были антигерманизм и антиполонизм, совпадавшие со стратегией российского правительства в регионе. Это дало основания ряду исследователей отмечать взаимовыгодный характер взаимодействия российских властей и литовского движения по сдерживанию польской культурной экспансии и обеспечению интересов России в бассейне Немана [Лауринавичюс. С. 141]. Заметным отличием литовского национального проекта от польского был отказ от польской традиции вооруженных восстаний и военного противостояния с империей — литовцы опирались на «геополитическую игру и политический компромисс» [Лауринавичюс. С. 139].

Начало Первой мировой войны и последовавшая германская оккупация радикально изменили литовское движение. В результате вынужденной эвакуации, беженства и оккупационных практик германских властей общество Литвы оказалось расколото. Если в 1914 г. ориентация на Россию доминировала в программах и заявлениях литовских политиков, то в 1915–1917 гг. реалии германского оккупационного режима на территориях «Ober-Ost» привели их к поиску компромисса с Берлином.

В этот период в России, включая ее оккупированные территории, возникали различные национальные организации и общества, сосредоточенные на оказании помощи беженцам и жертвам войны. В декабре 1914 г. для защиты населения Виленской, Ковенской и Сувалкской губерний было создано Литовское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны. Средства для его работы были выделены Комитетом великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет). Председателем оргкомитета общества стал российский и литовский политик, депутат Государственной Думы от Ковенской губернии М.М. Ичас, а вице-председателем — известный литовский общественный деятель Антанас Сметона, в будущем один из основателей и первый президент Литовской республики. К 1917 г. общество имело более 250 отделений, организовывало работу школ, издавало газеты и учебники на литовском языке.

Согласно мнению старшего научного сотрудника Литовского института истории Т. Балкелиса, именно общества помощи жертвам войны в условиях гуманитарного кризиса на оккупированных территориях стали прообразом будущих национальных структур литовцев, поляков, евреев и белорусов, выдвинувших политические требования [Balkelis. Humanitarian crisis... С. 67].

## Февраль 1917 г. и литовский вопрос

После Февральской революции 1917 г. литовские политики оказались в условиях новой реальности, когда, несмотря на почти полную оккупацию литовской этнической

территории германскими войсками, политические изменения в России рассматривались как шанс на благоприятное разрешение вопроса о будущем Литвы. Происходившие в общероссийском масштабе революционные изменения весной-летом 1917 г. выступали «ролевой моделью» для лидеров литовского национального движения, сохранивших лояльность России.

Следует отметить, что конституирование литовского государства в 1917–1918 гг. в российской историографии традиционно не связывается с событиями Февральской революции и деятельностью Временного правительства, — в отличие от Латвии и Эстонии, в становлении государственности которых данные факторы несомненно присутствовали [Межевич. С. 184]. В некоторых новейших публикациях образование независимой Литвы прямо называется результатом германской интриги [Дюков. С. 54]. Германские архивы, включая обнаруженные в марте 2017 г. в Политическом архиве МИД Германии копии декларации независимости Литвы, в целом подтверждают эту оценку [Kellerhoff]. С другой стороны, «сбалансированный» подход к истории вопроса, предложенный Л.В. Ланником, ставит под сомнение утверждение о «всесилии» германских властей в вопросах национального инжиниринга [Ланник. Будни Литвы... С. 100].

Архивные документы ГАРФ из фонда департамента общих дел министерства внутренних дел Временного правительства позволяют более детально оценить сложный комплекс межнациональных взаимоотношений после Февраля 1917 г. на западных окраинах России, в частности, на землях, населенных преимущественно или частично этническими литовцами.

Выделение литовского вопроса в самостоятельное направление национальной политики Временного правительства произошло не сразу. Долгое время он находился в тени более значимых для российских властей польских и финляндских событий. Судьба Польши, как одна из наиболее болезненных национальных проблем, стала объектом рассмотрения новых властей в Петрограде уже в первые недели после революции.

16 марта 1917 г. Временное правительство опубликовало воззвание к польскому народу с обещанием образовать в будущем независимую Польшу из всех частей разделенных польских земель, на основе этнографического принципа. Речь шла, таким образом, не о возрождении польско-литовского государства, окончательно упраздненного в ходе третьего раздела в 1795 г. (когда, собственно, Литва и вошла в состав Российской империи), а о конституировании совершенно новой, мононациональной Польши. Будущее польское государство предстояло образовать «из всех земель, населенных в большинстве польским народом» [Воззвание...]. Замалчивание судеб других народов, входивших в состав исторической Речи Посполитой (литовцев, белорусов и украинцев), актуализировало национальные проблемы на западных окраинах России и предвещало неизбежные конфликты при установлении границ.

До февраля 1917 г. литовское национальное движение в России не имело единого политического центра. Отмена национальных ограничений Временным правительством способствовала быстрой консолидации литовских партий и общественных организаций в качестве самостоятельной политической силы. Весной 1917 г. литовские политики и общество в целом положительно воспринимали революционные изменения и общую демократизацию политической жизни. Декларации Временного правительства о Польше и Финляндии виделись им залогом будущего демократического переустройства страны и объединения литовских земель на основе широкой национально-культурной автономии. Немаловажными были и соображения военно-стратегического характера, так как единственная надежда литовцев на освобождение от германской оккупации была связана с российской военной силой.

### **Литовский национальный совет и Временное правительство**

В марте 1917 г. литовскими политиками в Петрограде был провозглашен новый орган — Литовский национальный совет. В его состав вошли представители широкого спектра политических сил, от умеренно консервативных до левых (все они на тот момент были лояльны России): Литовский католический национальный союз, Литовская христианско-демократическая партия, Партия национального прогресса, Партия демократического союза национальной свободы, Демократическая партия Литвы (народники-социалисты), Социал-демократическая партия Литвы [Постановление Литовского национального совета... Л. 1].

В заявлении Временному правительству Литовский национальный совет потребовал выделить Литву в «самостоятельную административную единицу», реорганизовать управление на основе равенства всех граждан перед законом, «свободы национального самоопределения, свободы веры, совести и политических убеждений», предоставить равные права всем населяющим ее народностям [Там же].

На заседаниях 13 и 14 марта совет сформировал Временный комитет для управления Литвой, к первоочередным задачам которого относились организация выборов в Учредительное собрание Литвы и реформа местного самоуправления. Временный комитет был задуман как прообраз литовского временного правительства и должен был опираться на политические программы и практики российских «февралистов». В состав Временного комитета для управления Литвой первоначально вошли 12 членов: три депутата Государственной Думы (М.М. Ичас, Н.О. Янушкевич и католический священник И. Лаукайтис), восемь «окончивших курс юридических наук» присяжных поверенных и их помощников и основатель Партии национального прогресса, католический священник И. Тумас [Там же]. В дальнейшем комитет предполагалось пополнить 12 представителями национальных меньшинств (шесть белорусов, три представителя еврейского, два — польского и один — русского населения Литвы). Таким образом, в предложенном составе Временного комитета литовцам отводилось 50% мест.

Временному правительству России была направлена просьба передать литовскому Временному комитету «все административные, судебные, культурные, сельскохозяй-

ственные, торгово-промышленные и благотворительные правительственные и общественные учреждения Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний» [Там же]. 18 марта члены Литовского национального совета, депутаты Государственной Думы М.М. Ичас, Н.О. Янушкевич и инженер В.М. Бельский довели эти требования до сведения министра-председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова [Постановление Временного комитета... Л. 4]. Львов обещал рассмотреть заявление Литовского национального совета и просил предложить кандидатуры на должности комиссаров Временного правительства в литовских губерниях [Sirutavičius, Staliūnas. С. 232].

1 апреля 1917 г. в Гельсингфорсе состоялся митинг литовцев из Гельсингфорского гарнизона, матросов, рабочих, офицеров, местных жителей и «Гельсингфорского литовского общества». Резолюция митинга также была направлена Г.Е. Львову. Собравшиеся постановили, что «Литва в этнографическом, культурном, политическом и экономическом отношении представляет единое целое» и выдвинули ряд требований к Петрограду [Постановление митинга... Л. 3]. Текст начальных положений резолюции обнаруживает сходство с текстом постановления Литовского национального совета от 13 марта, что позволяет говорить о неслучайной связи между двумя этими документами.

Принятая митингом резолюция требовала от Временного правительства, чтобы оно «уже теперь формальным актом признало и подтвердило право литовского народа на определение своего политического строя в Литовском учредительном собрании; чтобы на Международном конгрессе представители новой свободной демократической России выдвинули и поддержали требование объединенного литовского народа — при обсуждении судеб Литвы призвать к участию представителей ее народа; чтобы Временное правительство признало и исполнило желание Литовцев составить отдельные Литовские легионы, в которые разрешено было бы поступать как добровольцам, так и всем находящимся в армии и флоте, в польских полках и других войсковых частях» [Там же].

Характер требований митинга объяснялся социальной средой, в которой он проходил. Следует отметить, что Балтийский флот в событиях февраля-марта 1917 г. являлся чрезвычайно значимым политическим фактором. Революционно настроенные матросы, а также многочисленные гарнизоны крепостей и фортов были лидирующей, часто бескомпромиссной силой политических и социальных потрясений. После трагедии 3 марта 1917 г. — расправы над офицерами Балтфлота в Кронштадте, Гельсингфорсе, Ревеле и Свеаборге — правительству с трудом удалось восстановить контроль над матросской стихией. За несколько недель до митинга литовцев Гельсингфорс посетил депутат Государственной Думы от партии кадетов Ф.И. Родичев, после чего наступило некоторое успокоение [Родичев. С. 109–111]. Национальные требования моряков и солдат гарнизона стали новой политической реальностью, с которой Временному правительству приходилось считаться<sup>1</sup>.

---

1 Депутат Государственной Думы Ф.И. Родичев в марте 1917 г. был назначен Временным правительством комиссаром по делам Финляндии.

Председателем митинга в Гельсингфорсе стал один из офицеров (судовой врач) линейного корабля «Слава» Балтийского флота. Делегатом от офицеров был избран старший лейтенант Ф.Ю. Довконт, служивший в штабе командующего флотом Балтийского моря. Согласно ряду источников, как оперативный работник штаба с опытом службы при штабе Северо-Западного фронта он прекрасно разбирался в общественно-политической обстановке [Биографические материалы... Л. 1]. Довконт являлся одним из координаторов российской военно-морской разведки и входил в группу молодых амбициозных офицеров, которая еще до февраля 1917 г. проявляла интерес к политике. К членам этой группы принадлежали также капитан 2-го ранга И.И. Ренгартен (происходивший из дворян Ковенской губернии) и капитан 1-го ранга князь М.Б. Черкасский [Бажанов. С. 99]. Революция открыла перед ними новые возможности и карьерные лифты. Для талантливого организатора Ф.Ю. Довконта «национализация» масс военных и моряков в Гельсингфорсе и Свеаборге оказалась логичным решением. В будущем Ф.Ю. Довконт сыграл важную роль в становлении Литовской республики, где избирался депутатом литовского Сейма и дважды назначался министром обороны<sup>1</sup>.

Опираясь на революционные массы моряков и военных и рассчитывая на неформальные контакты в Государственной Думе и Временном правительстве, литовские политики выступили с программой широких политических преобразований<sup>2</sup>. Они требовали не только предоставить им обширные административные полномочия в трех литовских губерниях, но и провести административно-территориальное переустройство в литовско-белорусско-польском регионе с целью расширения границ будущей Литвы.

2 мая 1917 г. Временный комитет для управления Литвой направил письмо министру-председателю Г.Е. Львову, содержание которого напрямую затрагивало интересы российских властей в Петрограде. Комитет представил Временному правительству кандидатуры к назначению попечителя Виленского учебного округа, председателя Виленской судебной палаты, председателей Сувалкского и Ковенского окружных судов, а также комиссаров Виленской, Ковенской и Сувалкской губерний. Литовский комитет просил также исключить из округа Виленской судебной палаты и Виленского учебного округа нелитовские территории, как не входящие «в круг ведения Временного комитета для управления Литвой» [Постановление Временного комитета... Л. 5]. К таким территориям относились Витебская, Гродненская, Минская и Могилевская губернии, а также Вилейский и Дисненский уезды Виленской губернии [Там же].

Наиболее важным требованием Временного комитета от 2 мая было «возвратить

1 Старший лейтенант Ф.Ю. Довконт после Февральской революции был произведен в капитаны 2-го ранга. После завершения Гражданской войны генерал-лейтенант Литовской республики.

2 Депутаты Государственной Думы М.М. Ичас и Н.О. Янушкевич в феврале-марте 1917 г. принимали активное участие в создании органов новой революционной власти, входя в состав Временного комитета Государственной Думы и Временного правительства. Н.О. Янушкевич с 6 марта занимал должность комиссара ВКГД и Временного правительства на Северном фронте.

Сувалкскую губернию, как литовскую губернию, ее естественному этнографическому началу — Литве» [Там же]. Сувалкская губерния являлась давним объектом притязаний литовских политиков. Этот стратегически важный регион открывал дорогу к низовьям Немана и территориям «Малой Литвы» (Восточной Пруссии), на которые также предъявляло претензии литовское движение. В случае успешного завершения войны с Германией лояльные России литовские политики предполагали распространить свое влияние на Малую Литву, опираясь на консультации о принадлежности низовьев Немана, которые до февраля 1917 г. проводил российский МИД [Лауринавичус. С. 142]. Обладание «Сувалкским коридором» означало контроль над обширной территорией, расположенной на литовско-польском пограничье, и защищало Литву от польского культурного влияния [Лауринавичус. С. 143–144].

Согласно предложенному проекту, литовская этническая территория, подконтрольная Временному комитету для управления Литвой, включала бы Сувалкскую, Виленскую (без Вилейского и Дисненского уездов) и Ковенскую губернии. Литовские политики просили Временное правительство «издать соответствующие указы об исключении Сувалкской губернии из Царства Польского во всех отраслях управления» [Там же].

Пометка «срочно доложить», поставленная в канцелярии министра-председателя, свидетельствует о важности документа и приоритетности его рассмотрения для Временного правительства. В канцелярию правительства продолжали поступать новые обращения литовских национальных организаций. Так, были получены резолюции собраний «Литовской колонии» в Москве от 25 апреля и 2 мая 1917 г., выписки из протоколов собраний семей призванных на военную службу из г. Вольмара Лифляндской губернии и другие коллективные обращения [Письмо товарищу министра внутренних дел... Л. 12]. 28 мая 1917 г. требование исключить Сувалки из состава Царства Польского поддержало общее собрание Литовского народного союза в г. Тамбове [Телеграмма... Л. 6].

«Литовский народ — утверждала общая резолюция собраний от 25 апреля и 2 мая 1917 г., — уже не раз выражал свою волю, чтобы Сувалкская губерния, громадное большинство населения которой литовцы, была присоединена ко всей Литве. Собрание обращает внимание Временного Правительства на то попираение прав литовского народа, которое им совершено невыделением Сувалкской губернии из компетенции Ликвидационной Комиссии Царства Польского, и требует изъятия сказанной губернии из ведения этой комиссии» [Резолюция... Л. 13].

31 мая 1917 г. князь Г.Е. Львов направил запросы министрам юстиции и народного просвещения Г.Н. Переверзеву и А.А. Мануйлову, а также председателю ликвидационной комиссии по делам Царства Польского А.Р. Ледницкому. Главу ликвидационной комиссии (и своего бывшего соратника по кадетской партии) премьер просил «сообщить соображения по вопросу исключения Сувалкской губернии из состава Царства Польского во всех отраслях управления» [Письмо министра-председателя Г.Е. Льво-

ва министру юстиции Г.Н. Переверзеву... Л. 7]. Также Г.Е. Львов хотел выяснить отношение министров к назначению новых должностных лиц по ведомствам юстиции и народного просвещения, предложенных Временным комитетом для управления Литвой.

Реакция министров Временного правительства была отрицательной. Учитывая близкие деловые отношения министра-председателя с А.Р. Ледницким, а также пропольскую позицию последнего, не могло быть и речи о выделении Сувалкской губернии из состава Царства Польского. С позиции более сильного польского национального движения, поддержанного Временным правительством, притязания литовцев на Сувалкскую губернию выглядели необоснованно [Проект постановления... Л. 11].

Министр народного просвещения А.А. Мануйлов сообщил министру-председателю, что «едва ли представлялось бы правильным назначение на высшие административные посты по учебному ведомству лиц, избранных отдельными национальными группами населения, в особенности в районах, включающих в свой состав разнообразные национальности» [Письмо министра народного просвещения... Л. 10]. Министр отмечал, что, помимо литовцев, в Виленской губернии проживают белорусы, евреи и поляки, а назначение попечителя Виленского учебного округа уже состоялось 27 мая 1917 г. По его мнению, предложенный лишь одной «из национальных групп кандидат не мог бы почитаться избранныком населения, живущего в пределах Виленского учебного округа» [Там же].

Временное правительство отказалось разделить свои полномочия с различными национальными группами населения Литвы и следовать их пожеланиям при назначении губернских комиссаров и должностных лиц судебного ведомства и ведомства народного просвещения. Вместо этого оно попыталось выработать подход, учитывающий интересы разных национальных групп, проживающих в литовских губерниях. В архивном деле содержатся черновик доклада министру-председателю Г.Е. Львову (автор доклада неизвестен — А.К.) и проект постановления о Временном комитете для управления Литвой. Доклад и постановление объединены в один архивный документ<sup>1</sup>, что позволяет восстановить ход обсуждения Временным правительством литовского вопроса, которое во многом предопределило политическое будущее Литвы в 1917 г.

Основное внимание при обсуждении уделялось сложному этническому составу населения литовских губерний. Временное правительство пыталось найти компромисс, учитывающий интересы всех национальных групп, и добиться их пропорционального представительства в выборных институтах будущей Литвы. При этом перспективы выделения этнических литовских земель в самостоятельную административную еди-

---

1 Автор документа неизвестен, но в конце есть любопытная пометка: «Настоящие записки составило лицо, не принадлежащее к национальной партии, а прогрессист». То есть, Временное правительство в литовском вопросе формально стремилось избежать «конфликта интересов».

ницу выглядели проблематично из-за нелитовского характера крупных городских центров Виленской и Ковенской губерний. «Город Вильно, — отмечалось в проекте постановления, — имеет не более 10% населения литовцев, [...] остальные города, исключая Троки и Свенцяны, имеют еще меньше» [Проект постановления... Л. 11]. На фоне реалий войны, связанных с беженством, депортациями и вынужденной эвакуацией, эти данные Временного правительства были значительно завышены<sup>1</sup> [Brensztejn. С. 21].

Важным пунктом обсуждения будущего Литвы была судьба белорусских территорий. Временное правительство признало, что, помимо Вилейского и Дисненского уездов, «Лидский, Ошмянский и восточная часть Виленского с городом Вильно также не литовские, а белорусские и должны быть исключены» [Проект постановления... Л. 11]. Исключение Вильно, составлявшего главный предмет притязаний литовцев, означало, что литовская автономия задумывалась исключительно в этнографических границах (без учета последствий военных депортаций и эвакуации населения). Это обстоятельство неизбежно вело к разочарованию и радикализации национально-консервативной части литовского движения, выдвигавшей идею расширения этнических границ Литвы.

Решить проблему доминирования нелитовского населения предлагалось путем исключения из будущей Литвы польских и белорусских этнических территорий. «Если исключить из ведения Временного комитета нелитовские местности и города, то племенной состав населения будет: литовцев 65%, поляков 20%, евреев 10%, прочих 1%» [Там же]. Временный комитет для управления Литвой было предложено сформировать из 20 членов пропорционально национальному составу населения (13 литовцев, 4 поляка, 2 представителя от еврейского населения и 1 от прочих) [Там же]. Идея Временного правительства заключалась в том, чтобы исключить из будущей литовской автономии все белорусские территории и свести к минимуму присутствие польского этнического компонента. Однако такой подход оставлял в ведении Временного комитета для управления Литвой лишь две оккупированные противником литовские губернии. Как отмечалось в проекте постановления, не заняты немцами были только Дисненский и Вилейский уезды Виленской губернии (нелитовские по населению) и 2 волости Ковенской губернии. Что же касается Сувалкской губернии, то ее южная половина, как утверждал документ, «населена не литовцами, а поляками и в состав Литвы входить не может». Автор доклада, подготовленного для премьеры Г.Е. Львова, резюмировал, что для осуществления проекта «нет территории и вопрос отпадает» [Там же].

В конечном итоге Временное правительство отказалось признать Временный комитет для управления Литвой в качестве полномочного органа литовского народа. Оно также не пошло навстречу требованиям литовских политиков в области админи-

---

1 Согласно проведенной немцами в марте 1916 г. переписи населения, в Вильно насчитывалось 2,6% литовцев.

стративно-территориального переустройства. Сувалкская губерния не была выделена из состава Царства Польского, назначение губернских комиссаров и других должностных лиц, предложенных Временным комитетом, не состоялось.

### **Петроградский сейм и его последствия: независимость против автономии**

Последней попыткой литовских политиков добиться признания от Временного правительства была организация в столице общероссийской политической конференции — Петроградского сейма. Более 300 делегатов, избранных в соответствии с процедурой, установленной Литовским национальным советом, собрались в Петрограде 27 мая 1917 г. Первые же заседания выявили разногласия в том числе по фундаментальным политическим вопросам между правыми силами и социал-демократами. Правые партии, включая католиков, выступали за независимость Литвы, левые отстаивали идею национальной автономии. Долгое время не удавалось избрать президиум, и лишь после вмешательства военных социал-демократические элементы были введены в его состав (за счет исключения представителей клерикальной католической партии). Председателем Сейма был избран социал-демократ В.М. Бельский, инженер и общественный деятель, выпускник Санкт-Петербургского политехнического института.

Бурные дебаты о политическом будущем Литвы продолжались до 2 июня 1917 г. Опасения левого крыла по поводу расхождения с «российской демократией» доминировали, однако правые без колебаний высказались в пользу независимой Литвы. Их аргументация сводилась к тому, что литовское движение должно выбрать эволюционный путь, свободный от радикализма российской революции: «Нет причин бояться, что консерваторы и клерикальное сословие возьмут верх в Литве. Пусть клерикалы правят десять лет, но за это время народ одумается и вернет власть. Если мы будем настаивать только на самоопределении, русские подумают, что мы еще сами не знаем, чего хотим. Русские, однако, не понимают, что нам на самом деле нужно, а мы должны требовать самоопределения и независимости» [Уčas. С. 30].

С незначительным преимуществом (140 голосов против 128) победила резолюция, требовавшая независимости Литвы. После этого группа автономистов во главе с П. Леонасом покинула Сейм, решив отказаться от дальнейших заседаний с правыми. Инициатива отделения Литвы от России, судя по обсуждению этого вопроса на Петроградском сейме, исходила от консервативных католических элит, в то время как демократические элементы, включая военных, выступали за национально-культурную автономию.

Петроградский сейм разделил правые и левые силы, в последних произошел также и внутренний раскол. Левая часть Литовской социал-демократической партии примкнула к автономистам, а делегаты московских социал-демократов, образовавших объединенную социал-демократическую фракцию (39 человек), придерживались линии на сотрудничество с буржуазными партиями. Документы ГАРФ отражают умерен-

ную позицию московской фракции литовского движения, выступавшей с требованием прекращения войны и определения будущего Литвы учредительным собранием [Резолюция... Л. 13]. Резолюция московской фракции была подготовлена политической партией «Сантара» («Единение»), занимавшей промежуточную позицию между социал-демократами и правыми силами [Там же]. «Справедливым» московская группа видела такое окончание войны, «которое устранило бы причины и возможность возникновения войны в будущем: т.е., чтобы каждой национальности было предоставлено право самой решить свою политическую судьбу на будущее время, и чтобы межнациональные споры впредь разрешались международным трибуналом» [Там же]. Несмотря на утопичность данной идеи, она полностью отражала подход к национальному вопросу, который доминировал тогда на волне иллюзий, порожденных Февральской революцией.

По итогам Петроградского сейма литовское национальное движение в России раскололось. Без поддержки Сейма распался Литовский национальный совет. А разразившиеся в июне и июле 1917 г. политические кризисы в России положили конец дебатам в Петрограде о будущем литовских губерний.

Дальнейшее развитие литовского вопроса, было predetermined самим ходом Русской революции. Популярная в 1917 г. идея Учредительного собрания в условиях войны означала «непредрешение» национального вопроса не только в общероссийском масштабе, но и на оккупированных противником западных окраинах бывшей империи, оставляя окончательное определение будущего политико-правового устройства Литвы за «представителями ее народа» [Постановление митинга... Л. 3]. За исключением Польши и Финляндии, Временное правительство не спешило давать российским национальным окраинам далеко идущие обещания и, даже стремясь сохранить государственнический подход, оно часто действовало скорее в духе прежних бюрократических практик. Это дало повод лидерам литовского движения критически оценивать перспективы сотрудничества с новой властью в Петрограде. Их критическому настрою способствовало и непрочное положение Временного правительства, зависимость от других центров «революционной демократии», в частности, Петросовета. Литовский (и польский) общественный деятель, юрист и один из теоретиков литовской государственности М. Рёмер 18 марта 1917 г. писал в своем дневнике: «То, что произошло в эти дни в Санкт-Петербурге — это не Революция, а только переворот» [цит. по: Микнис. С. 6]. 23 марта он с документальной точностью оценил потенциальную расстановку сил: «Либеральные элементы не владеют ситуацией, и будущее — в руках революционно настроенных» [цит. по: Микнис. С. 7].

Значительную часть литовского движения, лояльного Временному правительству, составляли сторонники продолжения войны до победного конца, подобные офицеру Балтийского флота Ф.Ю. Довконту. Они видели в революции «окно возможностей», которое, избавив Россию от неэффективной царской бюрократии, приблизило бы поражение Германии и достижение справедливого мира. Освобождение литовской этнической территории представлялось им необходимым условием для будущего

«самоопределения» Литвы на Учредительном собрании и обсуждения литовского вопроса на международной конференции. Немаловажными были и те социальные лифты, которые революция открыла для амбициозных представителей военной среды. Однако после октября 1917 г. морской офицер Ф.Ю. Довконт (как и множество других кадровых военных) разочаровался в перспективах русской революции, и дальнейшее будущее Литвы, а также Польши и других прибалтийских государств, виделось ему в союзе с Антантой.

Разочарование литовских политиков «российской демократией» позволило Германии перехватить инициативу. Когда летом 1917 г. стало ясно, что политика Германии в Польше провалилась, германская оккупационная администрация начала вынашивать планы создания литовского политического образования, зависящего от Берлина. Изменившиеся геополитические обстоятельства — революция в России, революционные и национально-освободительные движения в Восточной Европе, вступление в войну США — заставили Германию скрыть свои планы аннексии и разыграть карту «национального самоопределения». Политический компромисс для литовских элит теперь означал переход из одной империи под протекторат другой. На санкционированной германскими властями литовской конференции в Вильно, прошедшей 18–22 сентября 1917 г., более 200 делегатов избрали Совет Литвы (*Lietuvos Taryba*) во главе с известным политиком и юристом Антанасом Сметоной. Этот орган должен был стать связующим звеном между оккупационной администрацией *Ober-Ost* и литовской элитой и выполнял консультативные функции. 11 декабря 1917 г. Совет принял декларацию о независимости Литвы и «вечном, прочном союзе Литовского государства с Германской империей, который будет осуществляться прежде всего как военный, транспортный, таможенный и валютный союз» [*Lietuvos Taryba...* С. 316–317]. Геополитический характер декларации был очевиден, как и ее роль в подготовке Германией будущего Брестского мира с большевистской Россией.

16 февраля 1918 г. Совет Литвы под председательством Й. Басанавичюса принял новый акт, провозгласивший восстановление независимого литовского государства. Документ полностью соответствовал постфевральскому политическому нарративу, опирался на «право народов на самоопределение» и предусматривал создание «основанного на демократических принципах литовского государства со столицей в Вильнюсе» [*Nutarimas*]. Этот акт стал последним из серии литовских деклараций, касающихся проблемы национального самоопределения. Он не был одобрен Германией. В марте 1918 г. кайзер Вильгельм II признал независимость Литвы на основе декабрьской декларации 1917 г. о «вечном, прочном союзе Литовского государства с Германской империей...»

Попытки членов Совета Литвы наладить конструктивное сотрудничество с представителями национальных меньшинств (на чем особенно настаивали оккупационные власти) не увенчались успехом. После октябрьского переворота 1917 г. началось постепенное возвращение литовских политиков на родину. «Национализация» и консолидация элит на основе национально-консервативной программы, выступавшей альтерна-

тивной радикализму российской социал-демократии, оказали существенное влияние на дальнейшие попытки создания литовского государства в условиях германской оккупации. В итоге литовские политики выбрали модель мононационального государства, бывшую предметом горячих дебатов весной — летом 1917 г. в Петрограде.

## Заключение

В эпоху революционных потрясений 1917 г. национальное литовское движение, лояльное российскому Временному правительству, явилось важным этапом на пути к будущему литовскому государству. Многие политические деятели и лидеры этого движения позднее вошли в состав элиты Литовской республики. Так, один из ключевых литовских политиков в Петрограде и активный участник Февральской революции Мартинас Ичас после заключения в большевистской тюрьме пополнил ряды сторонников независимости Литвы. В 1918 г. он вернулся в оккупированный немцами Вильно, был членом Совета Литвы и вошел в состав литовского правительства. Его деятельность в роли министра финансов в 1919 г. помогла создать материальную основу для становления литовского государственности и вооруженных сил — при германской финансовой помощи.

Другой видный участник Петроградского сейма 1917 г., профессор Аугустинас Вольдемарас, стал первым премьер-министром Литвы и ее первым министром иностранных дел. В 1919 г. он представлял интересы Литвы на мирной конференции в Париже. «Петроградское прошлое» прослеживается в биографиях многих представителей литовских элит в послереволюционную эпоху: так, 11 из 20 подписавших акт независимости Литвы 16 февраля 1918 г. деятелей были связаны с Петроградом. Заседавшие в Басковом переулке Литовский национальный совет и Петроградский сейм сыграли важную роль в выработке национальной идеологии, позднее положенной в основу политики Литовской республики в межвоенный период. В то же время политическая фрагментация литовского движения летом 1917 г. привела к смене геополитического вектора на прогерманский и вынужденному подчинению Берлину. Германская оккупация Литвы с сопутствующей ей политикой национального инжиниринга и события октября 1917 г. в России не позволили реализовать планы по созданию литовского государства в его этнографических границах при сохранении тесной связи с постфевральской Россией.

## Литература

- Ашарчук В.А. Виленская проблема в историографии // Журнал международного права и международных отношений. 2010. № 4. С. 54–59.
- Бажанов Д.А. Складывание группировок в штабе командующего Балтийским флотом (май-июль 1915 г.) // XVII Петербургские военно-исторические чтения. СПб. 2022. С. 96–104.
- Бахтурина А.Ю. Изменение административных границ Прибалтийских губерний весной — летом 1917 г. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. С. 177–184.

- Биографические материалы (приказы и предписания, удостоверения и др. документы) 9 февраля 1915–15 апреля 1917 г. // РГАВМФ. Ф. 760. Оп. 1 Д. 1.
- Бочарников И.В.* Внешнеполитические факторы обретения независимости государствами Прибалтики в 20-х годах XX столетия // Вестник института мировых цивилизаций. 2021. Т. 12. № 3 (32). С. 15–26.
- Воззвание Временного правительства к польскому народу с обещанием создать польское государство после решения этого вопроса Учредительным собранием. Петроград, 16(29) марта 1917 г. // Российское историческое общество. Электронная библиотека исторических документов. — URL: [clck.ru/3BpKgr](http://clck.ru/3BpKgr) (дата обращения: 27.12.2024).
- Дюков А.Р.* Государство из немецкой чернильницы: провозглашение независимости Литвы (1917–1918 гг.) // Международная жизнь. 2024. № 1. С. 54–75.
- Ланник Л.В.* Будни Литвы времен первой германской оккупации в меморандуме М. Эрцбергера (1917 г.) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4 (19). С. 100–111.
- Ланник Л.В.* После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. М. 2020.
- Лауринавичус Ч.* О литовской политике во время Первой мировой войны: территориально-геополитический аспект // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. XXXI. 2015. С. 137–154.
- Литва — Россия, 1917–1920 гг.: Сборник документов / Сост. Ч. Лауринавичус, А. Каспаравичюс и др. Вильнюс. 2020.
- Межевич Н.М.* К вопросу о факторах формирования политического пространства и государственности в Прибалтике, 1917–1920 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. С. 184–194.
- Микнис Р.* Литва и Россия в период 1918–1924 гг. глазами постороннего свидетеля: рефлексия Михала Рёмера // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 7 (81). URL: [gs.elaba.lt/object/elaba:52122376/52122376.pdf](http://gs.elaba.lt/object/elaba:52122376/52122376.pdf) (дата обращения: 27.12.2024).
- Милюков П.* Территориальные приобретения России // Чего ждет Россия от войны: сборник статей. Пг. 1915. С. 49–62.
- Письмо министра-председателя Г.Е. Львова министру юстиции Г.Н. Переверзеву 31 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 41. — URL: [prlib.ru/item/686386](http://prlib.ru/item/686386) (дата обращения: 27.12.2024).
- Письмо министра-председателя Г.Е. Львова председателю Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского А.Р. Ледницкому 31 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 41. — URL: [prlib.ru/item/686386](http://prlib.ru/item/686386) (дата обращения: 27.12.2024).
- Письмо министра народного просвещения А.А. Мануйлова министру-председателю Г.Е. Львову 7 июня 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 41. — URL: [prlib.ru/item/686386](http://prlib.ru/item/686386) (дата обращения: 27.12.2024).
- Письмо товарищу министра внутренних дел Д.М. Щепкину 15 июня 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 41. URL: [prlib.ru/item/686386](http://prlib.ru/item/686386) (дата обращения: 27.12.2024).
- Постановление Временного комитета для управления Литвой 2 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 41. — URL: [prlib.ru/item/686386](http://prlib.ru/item/686386) (дата обращения: 27.12.2024).
- Постановление Литовского национального совета 13 марта 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 41. — URL: [prlib.ru/item/686386](http://prlib.ru/item/686386) (дата обращения: 27.12.2024).
- Постановление митинга литовцев Гельсингфорсского гарнизона, матросов, рабочих, офицеров, литовцев из местных жителей и Гельсингфорсского литовского общества 1 апре-

- ля 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 41. — URL: [prlib.ru/item/686386](http://prlib.ru/item/686386) (дата обращения: 27.12.2024).
- Проект постановления о Временном комитете для управления Литвой, май 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 41. — URL: [prlib.ru/item/686386](http://prlib.ru/item/686386) (дата обращения: 27.12.2024).
- Резолюция собраний Литовской колонии в Москве 25 апреля и 2 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 41. — URL: [prlib.ru/item/686386](http://prlib.ru/item/686386) (дата обращения: 27.12.2024).
- Родичев Ф.И.* Воспоминания и очерки о русском либерализме / Fedor Ismailovich Rodichev; ed., annot. and introd. by Kermit E. McKenzie; Averell Harriman Institute for Advanced Study of the Soviet Union, Columbia University. Newtonville. Oriental Research partners. 1983.
- Россия и Балтия. Новый мир на развалинах империи / Отв. ред. А.О. Чубарьян. Вып. 8. М. 2017.
- Телеграмма общего собрания Литовского народного союза в г. Тамбове министру-председателю князю Львову 29 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 41. — URL: [prlib.ru/item/686386](http://prlib.ru/item/686386) (дата обращения: 27.12.2024).
- Balkelis T.* Humanitarian crisis in German occupied Vilnius, 1916–1917 // *First World War Studies*. Vol. 13. 2022. Issue 1. P. 67–83.
- Balkelis T.* War, Revolution and Nation-Making in Lithuania, 1914–1923. Oxford. Oxford University Press. 2018.
- Brensztejn M.* Spisy ludności m. Wilna za okupacji niemieckiej od. 1 listopada 1915 r. Warszawa. 1919.
- Čepėnas P.* Naujujų laikų Lietuvos istorija. Vol. II. Chicago. Dr. Kazio Griniaus Fondas. 1986.
- Grigaravičius A.* Politinė lietuvių veikla Rusijoje 1917 metais // *Darbai ir dienos*. 2013. 60. P. 23–72.
- Kellerhoff S.* Ärgerum Litauens Unabhängigkeitserklärung. Welt. Streitum Archivfund. 08 April 2017. — URL: [welt.de/geschichte/article163518078/Aerger-um-Litauens-Unabhaengigkeitserklaerung.html](http://welt.de/geschichte/article163518078/Aerger-um-Litauens-Unabhaengigkeitserklaerung.html) (date of access: 27.12.2024).
- Lietuvos Taryba ir nepriklausomos valstybės atkūrimas 1914–1920 m. dokumentuose. Vilnius. 2017.
- Liulevicius V.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I // *Studies in the Social and Cultural History of Modern Warfare*. Vol. 9. Cambridge. Cambridge University Press. 2000.
- Lopata R.* The Lithuanian card in Russian Policy, 1914–1917 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, N.F. 1994. Bd. 42. Hf. 3. S. 340–354.
- Nutarimas // *Viduramziu Lietuva*. 29 February 2012. — URL: [golnk.ru/20yRN](http://golnk.ru/20yRN) (date of access: 27.12.2024).
- Perrin C.* Eating bread with tears: Martynas Jankus and the deportation of East Prussian civilians to Russia during World War I // *Journal of Baltic Studies*. 2016. 3 (48). P. 363–380.
- Sirutavičius V., Staliūnas D. (eds.)*. A Pragmatic Alliance. Jewish-Lithuanian Political Cooperation at the Beginning of the 20th Century. Budapest and New York. Central European University Press. 2011.
- Yčas M.* Rusijos lietuvių pastangos kovose už Lietuvos Nepriklausomybę / Pirmasis Nepriklausomos Lietuvos dešimtmetis. Kaunas. Šviesa. 1990.